

Siikala 1992 — Siikala A.-L. Studies on Shamanism. Part 1. Budapest, 1992.

SKVR: Suomen Kansan vanhat runot, I—XIV+XV, 1908—1948 / в серии публикаций Финского литературного общества SKST.

SKVR 1.(1) : Vienan läänin runot 1 / julkaissut A. R. Niemi. Osa 1 / Kalevalan-aineiset kertovaiset runot. Helsinki : SKST 121-1, 1908.

SKVR 1.2. / SKST 121.2. Vienan läänin runot. Kalevalan-aineisia kertovaisia runoja. Muita kertovaisia runoja. Julkaissut A.R. Niemi. Helsinki, 1917.

SKVR 1.(3): Vienan läänin runot 3-4,1 / julkaissut A. R. Niemi. Osa 3 / Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, iva-, leikki- y. m. runot. Loitsuja. Helsinki: SKST 121, 3-4,1, 1919.

SKVR 1.4.2.: Vienan läänin runot 4,2 / SKST 121,4.2. {Loitsuja. Lisiä. Elämäkerrallisia tietoja runojen laulajista hakemistoinen. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät}. Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1921.

SKVR II.: Aunuksen, Tverin ja Novgorodin Karjalan runot / SKST 144. Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1927.

SKVR VII.1. / SKST 143.1. Raja- ja Pohjois-Karjalan runot. 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot. Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1929.

SKVR IV. (1): Keski-Inkerin runot. 1. Toisinnot 1-1503 / julkaissut Väinö Salminen. Helsinki : SKST 140, 1, 1925.

SKVR IV (2) / Keski-Inkerin runot. 2 {Toisinnot 1504-2762.} Julkaissut Väinö Salminen. Helsinki: SKST 140.2. 1926

SKVR V. (1): Itä- ja Pohjois-Inkerin runot 1. Kertovaiset runot. {Toisinnot 1-1354} / julkaissut Väinö Salminen. Helsinki: SKST 141, 1, 1929.

SKVR XIII(1): Etelä-Karjalan runot, 1: toisinnot 1-2692 / julkaissut Väinö Salminen. Helsinki: SKST 150,1, 1936.

SKVR XV / SKST 685. Runoja Henrik Florinuksen, Kristfrid Gananderin, Elias Lönnrotin ja Volmari Porkan kokoelmista. Toimitaneet Matti Kuusi ja Senni Timonen. SKS: Helsinki — Gummerus, Jyväskylä, 1997.

Topelius 1821-31: Suomen kansan wanhoja runoja ynnä myös nykyisempiä lauluja / koonnut ja prännttiin antanut Z. Topelius. Osat 1—5.

Summary. In the article the motifs and formulas with the names of fur-bearing animals (a squirrel, a marten, a hare, a fox) are considered on the material of the texts from the different subject sub-groups of Kalevala. The author has tried to settle the theoretical problem of the motif style and epic memory.

Key words: epos, formulas, runes of the Kalevala metrics.

Р. В. КОРЯКИНА
(Якутск)

ЭПИТЕТЫ ЯКУТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА ОЛОНХО В ЛИНГВО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли именного эпитета в текстовом полотне олонхо. Автор рассматривает именные эпитеты в составе эпических формул, а также отрицательные именные эпитеты.

Ключевые слова: олонхо, якутская эпическая традиция, именные эпитеты.

Термин «эпитет» является одним из самых древних терминов стилистики. Первый «камень» в дело изучения эпитетов положил А. Н. Веселовский, в своем фундаментальном труде «Историческая поэтика» он дает следующее определение: «эпитет — это односложное определение слова, либо новляющееся параллельное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [Веселовский 1989, 73]. В. М. Жирмунский разграничивает эпитет в «широком» и «узком смысле слова» [Жирмунский 1977, 355]. Исходные определения эпитета «как художественно-стилистического приема» дают «Краткая литературная энциклопедия» [Энциклопедия 1975, 922], «Литературная энциклопедия терминов и понятий» [Энциклопедия терминов 2001, 213]. Природу эпитета достаточно широко рассматривали в своих трудах А. А. Потебня, Б. В. Тимошевский, К. С. Гальперин и др. Так как предметом исследования данной статьи являются эпитеты якутского героического эпоса олонхо, автору статьи представляется интересным высказывание В. Жирмунского: «Вполне законно также применение термина “эпитет” в отношении к героическому эпосу: постоянный эпитет... эпоса есть украшающий эпитет, традиционно выделяющий типовой, идеальный признак предмета,

не внося ничего нового в содержание определяемого понятия» [Жирмунский 1977, 357]. С. Л. Невелева в своем труде «Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса» справедливо отмечает: «...Когда речь идет о поэтическом творчестве, нашедшем отражение в отшлифованном веками эпосе, очевидно, каждое прилагательное можно рассматривать как эпитет» [Невелева 1979, 9].

Якутские исследователи, рассматривая олонхо в разных ипостасях, признают роль и значение эпитетов, но упоминают их только в общем плане, в ходе рассмотрения интересующих их (более важных на их взгляд) аспектов (Г. У. Эргис, И. В. Пухов, Н. И. Филиппова, Н. Н. Ефремов, П. А. Слепцов, В. В. Илларионов, Н. В. Покатилова и др.). Н. И. Филиппова в своих исследованиях собственных имен персонажей олонхо рассматривает эпитет как один из трех основных компонентов собственного имени персонажа, несущий в себе возвышающую или принижающую характеристику героев. Она отмечает также, что имени богатыря всегда сопутствует кличка его коня, структурно состоящая из эпитета обозначения масти или характеризующего нрав, иноходь, возраст коня [Филиппова 1974, 152]. Есть также очень подробная, но небольшая по объему работа Н. А. Аханяновой «Поэтический синтаксис и характер эпической эпитетации».

Однако эпитеты занимают значительное место в текстовом полотне олонхо и заслуживают отдельного пристального внимания. Именно эпитеты, которыми изобилует каждая строка олонхо, создают с выразительной силой и наглядностью целостную и всестороннюю характеристику-образ каждого эпического объекта. Г. У. Эргис пишет: «...в описательных частях олонхо эпитеты являются основным изобразительным средством» [Эргис 1974, 11]. Образно выражаясь, можно утверждать, что эпитеты в олонхо — это целый океан красиво звучащих, «картинных», как их называл А. Кулаковский [Кулаковский 1979, 385], образных, метких, ёмких слов. Так как попытка рассматривать все эпитеты олонхо сразу — это все равно, что пытаться объять необъ-

ятное, мы хотели бы обратить свое внимание только на именные эпитеты. Они составляют большую часть эпитетного пласта олонхо.

К «именным эпитетам» мы относим все определения (т. е. эпитеты), выраженные именными частями речи. Например, прилагательными: *хороң оту* ‘жесткую траву’, *алаһа дьизэ* ‘любимое жилье’; существительными: *кэтэбин туутун* ‘шерсть загривка’, *аһыныһлаах санаалаах* ‘с добрыми помыслами’; числительными: *Тоҕус соннон уолаттарын* ‘девяти уродливых сыновей’; *абыс хахыдал кыргыттарын* ‘восьми худосочных дочерей’; местоимениями: *Ол кырках сыстыбатах Кыыдаа манан халлаанна уоскээбит* ‘эта родившаяся на чистом, без пылинки, снежно-белом небе’; причастиями: *оболоотор обобут* ‘вынянченный ребенок’, *бүөбэйдээтэр бүөбэйбит* ‘изнеженное дитя’. В роли определяемого слова, кроме имен существительных, могут выступать субстантивированные имена.

В первой части данной статьи мы рассматриваем именные эпитеты в составе эпических формул. Во второй части — отрицательные именные эпитеты.

1. Именные эпитеты в составе эпических формул. В зависимости от выражаемых отношений все именные словосочетания делятся на две большие группы: 1) именные словосочетания, выражающие атрибутивные отношения, например, *халың кинигэ* ‘толстая книга’; 2) именные словосочетания, выражающие изафетные отношения, например, *учуутал кинигэтэ* ‘книга учителя’. Основная разница между атрибутивными и изафетными сочетаниями заключается в том, что в атрибутивных сочетаниях подчиненное имя (в нашем случае — эпитет) выражает какой-либо признак предмета, а в изафетных — принадлежность, т. е. отношение к другому предмету.

Как нам известно, в якутском эпосе «каждая эпическая формула состоит из нескольких стихов, связанных между собой по смысловому значению и по архитектонике стиха. Основная мысль стиха концентрируется на опорном словосочетании» [Илларионов 1988, 75].

Вот две эпические формулы, описывающие то благодатное место, в котором должен поселиться главный герой олонхо Ньургун Боотур Стремительный сказителя Константина Оросина:

*Илин диэки эргитэ көрдөххө —
киис кыыл кэтэбин түүтүн
кэдэритчи тунпут курдук
кэнкил хара тылаах эбит*
[НБ, 19].

Поведешь очами на восточную сторону,
(она) подобно разворошенной шерсти на затылке зверя-соболя,
крупным черным лесом окружена¹.

Первая эпическая формула начинается с традиционной при описании четырёх сторон света вводной фразы *илин диэки эргитэ көрдөххө*. В этой эпической формуле мы имеем два именных эпитета. Первый развернутый эпитет *киис кыыл кэтэбин түүтүн* входит в состав образного сравнения и состоит из трёх членов, замыкающим компонентом данного определительного ряда является определяемое слово *түүтүн*. Сначала мы рассмотрим первые два компонента *киис кыыл*. Здесь в качестве эпитета выступает имя существительное, данное именное словосочетание выражает атрибутивные отношения, морфологический показатель связи слов отсутствует, тип связи — примыкание. Эпитет *киис* конкретизирует понятие *кыыл* по его видовому признаку. Далее мы рассмотрим сочетание *киис кыыл кэтэбин*: у определяемого слова появляется аффикс притяжательности, и это указывает на то, что данное именное словосочетание выражает изафетные отношения. Другими словами, эпитет *киис кыыл* конкретизирует, кому именно принадлежит то, что выражено определяемым словом

¹ В качестве материала для исследования послужили именные эпитеты, выписанные методом сплошной выборки из текстов якутских олонхо: «Дьулуруйар Ньургун Боотур» (НБ), «Куруубай Хааннаах Кулун Куллуустур» (КК), «Кыыс Дэбиэлийэ» (КД), «Могучий Эр Соботох» (ЭС). В приведенных примерах использованы переводы Г. У. Эргиса, П. Е. Ефремова, Н. В. Емельянова, С. П. Ойунской, взятые из соответствующих изданий текстов олонхо.

кэтэбин. И так по методу наращивания, следуя за текстом олонхо, приходим к рассмотрению развёрнутого эпитета *киис кыыл кэтэбин түүтүн*. Определяемое слово *түүтүн*, являющееся замыкающим членом данного именного определительного сочетания, имеет аффикс принадлежности и указывает на то, что это сочетание выражает изафетные отношения. Эпитет имеет конкретизирующее значение. Итак, схематично можно изобразить отношения, которые выражает данный развернутый эпитет следующим образом: атрибутивные отношения + изафетные отношения + изафетные отношения. Следует также отметить, что доминирующее звучание имеют изафетные отношения.

Теперь рассмотрим второй эпитет *кэнкил хара тылаах*. В данном сочетании морфологического показателя связи слов нет, тип связи — примыкание, выражаются атрибутивные отношения. Эпитеты выступают как качественные определители: *кэнкил* — рослый, крупный по размеру, *хара* — черный, темный по цвету. В данной эпической формуле предметно-логическая информация, выраженная определяемыми словами *түүтүн* и *тылаах*, дополняется благодаря наличию эпитетов информацией «второго рода» [Борисова 2004, 3] — эмоционально-оценочной, экспрессивной. Если рассматривать данные именные эпитеты с точки зрения семантической, то перед нами не что иное, как обращение к культурному тезаурусу слушателя. Под тезаурусом понимается содержание памяти, т. е. вся накопленная человеком информация о предметах, явлениях окружающей жизни: в те времена каждый якут хорошо знал, что самая темная часть шерсти соболя находится именно на затылке. И благодаря данным именным эпитетам перед мысленным взором слушателей возникал зримый образ далекого леса, целая картина. Вторая эпическая формула:

*Сир гизнэ киинэ сир буолан
сирэдийбит эбит,
дойду гизнэ долгурата буолан
туругуран тунсубут эбит;
унуоргута биллибэт
улабата көстүбэт
уһун дураар толоон буолан*

*муңутаабыт эбит,
киңэ биллибэт
кэрдийтэ көстубэт
кэтит сир буолан сирээдийбит эбит*
[НБ, 39].

Эта местность, как пуп земли,
прочно в полном расцвете
утвердилась
и как самое великолепное средоточие
мира
в полной и пышной красе
установилась.
Достигла она предельного
совершенства
как (необозримая) такая равнина,
что неведомо, есть ли у ней
противоположная грань,
неизведано, имеет ли она
потусторонний край;
с пространством необъятным,
с очертаниями невидимыми
широкой вольготной страной стала
она.

В первом четверостишии эпитет представлен конструкцией превосходной степени, выражающей высшую степень признака. Аффикс притяжательности в эпитетах, выраженных именами существительными *киинэ*, *долгурата*, указывает на изафетные отношения. Здесь мы наблюдаем также явление художественной вариации в обозначении лучшего места для поселения главного героя *сир* 'земля', *дойду* 'страна' и в соответствующих им эпитетах *киин* 'пуп земли, центр', *долгура* 'очень тихое, спокойное место'. Художественная вариация, по Стеблину-Каменскому, представляет собой повторение уже сказанного другими словами. Она является как бы семантической аллитерацией, повторением значения в различных вариациях.

Следующие два очень развернутых эпитета, каждый из которых занимает по три строки, также являются художественной вариацией обозначения необъятности этой местности. Структурный состав этих эпитетов примерно одинаковый: причастие с зависимым словом в функции дополнения + еще одно причастие с зависимым словом в функции дополнения + прилагательное + прилагательное + определяемое

слово. Здесь адъективированные причастия *уңуоргута биллибэт*, *улабата көстубэт* выступают как качественные определители и выражают атрибутивные отношения. При адъективизации, как отмечает М. А. Черосов, причастие теряет временный признак действия и обозначает постоянный признак определяемого слова. В наших примерах причастия *уңуоргута биллибэт* 'с неизведанной противоположной гранью', *улабата көстубэт* 'с невидимым потусторонним краем', будучи постоянными эпитетами к определяемому слову *толоон* 'долина, широкое поле', дополняют и расширяют значение следующих за ними качественных прилагательных *уһун* 'длинный', *дураар* 'громадный'. Если первый развернутый эпитет создает картину необъятности в длину, то второй является вариацией необъятности вширь. Оба эпитета украшают вертикальная и горизонтальная аллитерации.

Теперь рассмотрим эпическую формулу из олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», представляющую собой описание успехов главного героя:

Тумаан — Имээн дойду туюһа
туостаах,
Хамаан — Имээн дойду хатыңа
хатыңнаах,
өлүү балыгын сүһин үөһэ слимнээх,
хахай кыыл иэнин иңиирэ иңэрчэлээх,
тоҕоус халлааңца уһуутуу сүүррэр
уһун ньургуен саалаах эбит.
[НБ, 170]

Оказывается, тут был
Длинный отборнейший лук,
пускающий стрелу со свистом сквозь
девять небес,
сделанный из березы страны Хамаан —
Имээн,
скрепленный берестой страны Туман —
Имээн,
склеенный желчью рыбы смерти,
с тетивой из спинного сухожилия
матерого льва.

Данная эпическая формула целиком состоит из развернутого эпитета, первые четыре строки которого выражены производными прилагательными, образованными с помощью аффикса *-лаах-*, каждое из которых в свою очередь по-

ясняется изафетными именными словосочетаниями с конкретизирующим значением.

В якутском языке члены именного определительного сочетания располагаются в строгой последовательности, образуя рамочную конструкцию, в которой замыкающим членом является определяемое слово [Филиппова 1974, 76]. В рассматриваемых именных эпитетах в составе эпических формул это положение строго соблюдается, хотя олонхосуты-сказители в большинстве своем были выходцами из простого народа, безграмотными — все знания о родном языке они впитали с молоком матери и несли эти знания своим слушателям.

II. Отрицательные эпитеты в олонхо.

В олонхо часто встречаются отрицательные эпитеты. С семантико-стилистической точки зрения они характеризуются богатой палитрой эмоционально-экспрессивной окраски и каждый раз несут разнообразную дополнительную информацию.

Лингвистический феномен отрицания общепризнанно относится к числу семантических универсалий, исходных семантических категорий, присущих всем языкам мира. Функция и сущность отрицания традиционно рассматривается как выражение им критерия истинности/ложности высказывания. Простую и понятную дефиницию данной категории можно найти в БСЭ: «Отрицание — выражение при помощи различных языковых средств того, что связь между элементами высказывания мыслится как реально несуществующая или отсутствующая». Отрицание в языке может передаваться: а) эксплицитно, т. е. с помощью вербальных средств — отрицательных слов, отрицательных префиксов, отрицательных форм глагола; б) имплицитно, т. е. не иметь формальных средств выражения, являясь компонентом значения слова или даже целого предложения. Если обратиться к языковым средствам выражения отрицания в эпитетах олонхо, то их немного. Дело в том, что в якутском языке отрицательную форму имеет только одна часть речи — глагол [Винокуров 1993, 21] и, соответственно, образованные от глагола причастия и деепричастия.

Причастия и деепричастия отрицательной формы и представлены широко в составе отрицательных эпитетов. Значительно уступая им в количественном отношении, встречаются также отрицательные эпитеты, образованные аналитически сочетанием имени существительного в косвенном падеже со словом *суох*, соответствующим в русском языке предложной конструкции с предлогом «без» в функции определения. Таким образом, по структуре отрицательные эпитеты олонхо можно разделить условно на три группы:

1. простые отрицательные эпитеты,
2. развернутые отрицательные эпитеты,
3. отрицательные эпитеты со словом *суох* 'без'.

Простые отрицательные эпитеты выражаются причастием отрицательной формы. Например:

*Абааһы атамааннара,
көстүбэт түөкүттэрэ
уордулар бадаба...*
[НБ, 68].

Кажется похитили ее
Могучие из леших племен,
Злодеи невидимых родов.

Здесь эпитет, выраженный адъективированным причастием отрицательной формы *көстүбэт* 'невидимые, незримые', является постоянным эпитетом, характеризующим обитателей Нижнего мира, и выражает крайне негативную оценку: в мире олонхо только нелюди имеют очень неприятное и опасное для людей свойство быть невидимыми. Таким образом, простой по составу отрицательный эпитет имеет емкое, глубинное значение.

*Арат байБалынан арБастанан,
Уолбат муоранан улаБаланан...*
[МЭС, 78].

Арат-морем в середине вспучиваясь,
Неубывающими морями вокруг
окаймляясь ...

Здесь эпитет также выражен адъективированным причастием отрицательной формы *уолбат* 'неубывающий'. Но он значительно отличается от предыдущего.

Особый интерес представляет структура и семантика этого, казалось бы, простейшего эпитета. В основе отрицательного причастия *уолбат* мы находим глагол *уолар*, в котором имплицитно содержится сема отрицания «убывать, усыхать»; когда к этой «отрицательной» основе присоединяется суффикс отрицательной формы *-бат-*, причастие, будучи по форме отрицательным, приобретает не только положительную семантику, но и — усиленно утвердительную. Эпитет, выраженный причастием отрицательной формы *уолбат* ‘неубывающий’, является постоянным эпитетом к существительному *муора* ‘море’ и способствует созданию характерной для олонхо картины безбрежного, нескончаемого изобилия вод (как и лесов, долов, птиц и зверей и т. д.).

*Бараммат бараах диэн
Манна сабытаабыт,
Быстыбат былдырыыт диэн
Манна быыгынаабыт,
Кэрээбэт кэбэ диэн
Манна кэпсээбит,
Өрөөбөт өтөн диэн
Манна үөлпүт
[КД, 80].*

Стаи несметных турухтанов
здесь собрались,
стаи несчетные куликов
здесь скучились,
неугомонные кукушки
здесь заговорили,
неутомимые горлицы
здесь заворковали.

В данной эпической формуле, представляющей многообразие птиц в лесу, эпитеты, выраженные причастиями отрицательной формы, подобраны по законам горизонтальной аллитерации под созвучие каждого из наименований птиц: *бараах турухтан* — *бараммат*, *былдырыыт* (кулик) — *быстыбат*, *кэбэ* (кукушка) — *кэрээбэт*, *өтөн* (горлица) — *өрөөбөт*. Все они являются художественной вариацией значения «не переводится, не заканчивается» или «много». Таким образом, если отрицание определяется как «выражение реального несуществования или отсутствия», то в данном случае образные отрицательные

эпитеты используются, наоборот, для усиления утвердительного значения, внося тем самым свою лепту в выражение жизнеутверждающей оптимистической идеи народного эпоса.

Развернутые отрицательные эпитеты выражены адъективированным или неадъективированным причастием отрицательной формы с зависимыми словами в функции дополнения. Здесь обнаруживается две подгруппы противоположного значения:

1. Эпитеты, характеризующие природу и обитателей Среднего или Верхнего мира.

*Ити кэннэ, бу
уолан баранар уулаах.
охтон баранар мастаах,
орто бороң туру дьабыл дойду...
[НБ, 66].*

Затем этот самый средний
серопятнистый мир,
с водами испаряясь убывающими,
с деревьями падая редееющими...

Здесь эпитет имеет следующую конструкцию: деепричастие на *-ан* в роли обстоятельства + адъективированное причастие отрицательной формы + имя существительное с суффиксом обладания *-лаах-* в функции дополнения. Данные эпитеты к существительному *дойду*, *орто дойду* (страна, Средний мир) являются постоянными и указывают на бренность всего земного. Существительные с суффиксом обладания *-лаах-* (*уулаах*, *мастаах*) уточняют, что именно бренно; деепричастия на *-ан* (*уолан*, *охтон*) уточняют, как, каким образом редееют деревья и убывают воды. В данном случае эпитеты, выраженные адъективированными причастиями отрицательной формы, соответствуют своему отрицательному значению: так происходит, потому что объективно так и полагается.

*Улабата биллибэт,
уңуоргута хотон көстүбэт
уһун дураар хочолоох;
киңэ биллибэт,
кэрдиитэ көстүбэт
киңэ дьалхаан сьһыылаах
дойду эбит...
[НБ, 162].*

...местность,
 Где противоположный край терялся
 в дали,
 Ту сторону ее не видно глазу;
 Широкая пречистая долина
 Неизмеримой ширины,
 Невидимых пределов,
 Широкая необъятная долина.

Сначала обратимся к структурной стороне приведенных эпитетов. Отрицательные причастия *биллибэт*, *көстүбэт* ‘неведомый, невидимый’ благодаря сочетанию с существительным в функции дополнения *улабата* ‘край’, *уңургута* ‘противоположный край’, *киңэ* ‘ширь’, *кэрдиитэ* ‘предел’, которые имплицитно содержат разные варианты отрицательной семы «предельная часть (т. е. конец) чего-либо» [Романова 2002, 303], приобретают утвердительное значение необъятности: «не видно конца, неизвестно, есть ли предел (=известно, что нет предела)». С точки зрения семантики, мы наблюдаем излюбленный прием художественной вариации — повторение уже сказанного другими словами. Группы адъективированных причастий отрицательной формы *улабата биллибэт*, *уңургута хотон көстүбэт* ‘где противоположный край терялся в дали, ту сторону ее не видно глазу’ и *киңэ биллибэт*, *кэрдиитэ көстүбэт* ‘неизмеримой ширины, невидимых пределов’ являются в олонхо постоянными эпитетами к определяемым словам *хочо* (долина) и *сыһы* (равнина, долина); они создают картину необъятности вдаль и вширь, дополняют и усиливают значение следующих за ними образных эпитетов, выраженных качественными прилагательными *уһун дураар* ‘широкая, пречистая’, *киң дьалхаан* ‘широкая, необъятная’, до превосходной степени:

*Мүлтүрүйбэт бүтүн оңоруулаах,
 халтарыйбат хатан ыйаахтаах
 киһи буодоу диэбитим...*
 [НБ, 132].

Он (Нюргун) должен быть человеком с неразрывным цельным определением, с несоскальзывающим крепким назначением...

В данном примере развернутый отрицательный эпитет создает образ неуязвимого богатыря Среднего мира Нюргун Боотура, подчеркивает неизбежность, непреложность его назначения. Эпитеты, выраженные причастиями отрицательной формы в настоящем времени *мүлтүрүйбэт* ‘неразрывный’ и *халтарыйбат* ‘несоскальзывающий’, так же как было описано в примерах выше, приобретают утвердительно-превосходное значение, в данном случае — значение постоянного признака, так как в первом отрицательном причастии *мүлтүрүйбэт* ‘неразрывный’ присутствует сема «нигде», во втором — *халтарыйбат* ‘несоскальзывающий’ — сема «никогда». Тем самым они усиливают значение следующих за ними эпитетов, выраженных качественными прилагательными *бүтүн* ‘цельный’ и *хатан* ‘крепкий’.

2. Эпитеты, характеризующие природу и обитателей Нижнего мира. Например:

*Барбатах балык миинин курдук
 бадыа-будуе дойду...*
 [НБ, 120].

Дальше проезжал он по стране
 мрачносерой
 похожей на недоваренную рыбу уху...

Здесь эпитет *барбатах балык миинин* ‘похожий на недоваренную рыбу уху’ входит в состав образного сравнения; он выражен неадъективированным причастием отрицательной формы в прошедшем времени и содержит сильную негативную оценку — «очень неприятный, противный». Данный эпитет усиливает экспрессивное значение сравнения и дополняет значение последующего образного эпитета *бадыа-будуе* ‘мрачный’.

*Сиригэр киң иһэ туолбатах,
 Аһырыгар аңалдыта төлүбэтэх...*
 [КК].

Данные распространенные эпитеты, выраженные неадъективированными причастиями отрицательной формы в прошедшем времени, входят в описание богатыря Нижнего мира Муус Буюдулаан, которое состоит из 14 строк сплошь образных эпитетов.

В данных примерах в состав отрицательных эпитетов со словом *суох*, входит еще отрицательное местоимение *туох да* ‘ничего’, что придает им модальное значение усиления. Это способствует тому, что данные отрицательные эпитеты усиливают значение примыкающих к определяемым словам эпитетов *чыыстай* (в данном случае ‘без лесов и деревьев’) и *идиэл-ходоол* ‘простой’ до превосходного — совсем без лесов и деревьев, очень простой — и одновременно выполняют конкретизирующую функцию.

На основании рассмотренных примеров отрицательных эпитетов можно прийти к следующим выводам:

— отрицательные эпитеты являются неотъемлемой частью эпитетного пласта олонхо;

— отрицательные эпитеты:

а) усиливают утвердительное значение последующих (других) эпитетов;

б) усиливают утвердительное значение последующих (других) эпитетов до превосходной степени;

в) повышают экспрессивность, эмоциональность понятийного содержания высказанной мысли;

— семантика развернутых отрицательных эпитетов отражает характерную для олонхо дуальную систему сюжетосложения: противопоставление Верхнего и Среднего мира Нижнему;

— отрицательные эпитеты с *суох* ‘без’ содержат скрытое сравнение с чем-либо хорошо знакомым, уже известным слушателям;

— структура отрицательных эпитетов относительно проста;

— семантико-стилистическая характеристика отрицательных эпитетов отличается многообразием;

— отрицательные эпитеты служили для сказителей мощным средством для создания необходимого эмоционального фона повествования; они рассчитаны на определенную реакцию слушателей.

Литература

Борисова 2004 — Борисова М. П. Эпитеты олонхо в якутской женской поэзии // Якутский эпос в контексте эпического наследия народов мира. Якутск, 2004. С. 2—9.

Веселовский 1989 — Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.

Винокуров 1993 — Винокуров И. П. Туохтуур буолбат формата // Якутский язык: Лексика, грамматика: сб. научных трудов. Якутск, 1993. С. 21—31.

Жирмунский 1977 — Жирмунский В. М. Теория литературы. Л., 1977.

Илларионов 1988 — Илларионов В. В. Эпические формулы и типические места в якутском эпосе // Язык — миф — культура народов Сибири: сб. научных трудов. Якутск, 1988. С. 71—78.

Невелева 1979 — Невелева С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. М., 1979.

Романова 2002 — Романова Л. Н. А. Е. Кулаковский и его современники. Особенности поэтического языка. Новосибирск, 2002.

Филиппова 1974 — Филиппова Н. И. Собственные имена в якутском эпосе и бурятском улигере // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 150—155.

Энциклопедия 1975 — Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975.

Энциклопедия терминов 2001 — Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.

Эргис 1974 — Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.

Список сокращений

НБ — Дьулуруйар Ньургун Боотур / текст К. Г. Оросина; ред. Г. У. Эргис; (отв. ред. Г. М. Васильев). Якутск, 1947. (Богатырский эпос якутов / Науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории ЯАССР. Вып. 1).

КК — Строптивный Кулун Куллуустуур: Якутское олонхо / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, СО, ЯФ, ин-т яз., лит. и истории; [сказитель И. Т. Тимофеев-Теплоухов]. М., 1985. (Эпос народов СССР).

КД — Кыыс Дэбизэийэ: Якутский героический эпос. Новосибирск, 1993. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

МЭС — Якутский героический эпос. Могучий Эр Соботох. Новосибирск, 1996. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Summary. *The article is devoted to the art-graphic means of the Yakut heroic epos olonkho — the epithets. The epithets as a part of the epic formulas, the negative epithets are considered; their structure and semantics, functions are investigated. The epithets reflect the aesthetic and ethical values of ancestors of the Sakha people.*

Key words: *nominal epithets, structure, semantics, attributive relations, accessory relations, the epic formula, negative epithets and their functions.*